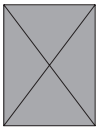
Ферди Айдемир

Шестнадцатый час

Роман

Перевод с турецкого

Руководитель проекта
Марем Ялхароева

Издательство ООО «КЕП»
Назрань
2025

УДК 82-31/821.512.161
ББК 84-44/84(0)9
А 36

Руководитель проекта – Марем Ялхароева
Консультант – Альфина Сибгатуллина

Перевод и издание книги осуществлены за счет средств Марем Ахметовны Ялхароевой

Айдемир Ферди
А36 Шестнадцатый час. Роман. – Назрань: ООО «КЕП», 2025. – 156 с.

ISBN 978-5-4482-0155-4

Ферди Айдемир – потомок ингушей-мухаджиров в Турции – посвящает свои книги самым актуальным темам, волнующим нынешнее общество и имеющим общечеловеческую значимость. Его первый роман «Виртуальная любовь» («Милая Седа Хикмета»), знакомый нашему читателю, строится на исследовании взаимоотношений привычных нам человеческих чувств с реалиями современного цифрового пространства.

Новый роман писателя «Шестнадцатый час» о трагическом событии – землетрясении в Стамбуле и его последствиях. В нем автор размышляет о месте религии в жизни человека, о смысле самой жизни, о существующей в стране системе наказаний и тюремных сроков, порочных практиках строительства, кредитования и банковского дела, о несовершенстве человеческой природы, об отношениях начальников и подчиненных, властей и простых граждан, влюбленных и супругов, родителей и детей; о бульварной журналистике, бессмысленных ток-шоу по телевизору, о социальных сетях, о тонкостях сочинительства и о любви к животным.

Такие книги, как роман «Шестнадцатый час», не проходят бесследно для читательского опыта: они обращают наше внимание на простые вещи, которые окружают нас каждый день и являются поистине бесценными. Одним словом, такие книги воспитывают наши души.

УДК 82-31/821.512.161
ББК 84-44/84(0)9

ISBN 978-5-4482-0155-4

© Айдемир Ф., автор, 2025 г.
© Перевод на русский язык, 2025 г.
© Ялхароева, рук.проекта, 2025 г.

Вступительное слово

Ферди Айдемир родился в 1979 году в городе Кызылтепе провинции Мардин, что на юго-востоке Турции, в семье ингушей-мухаджиров Ибрагима Хаштырова и Фатхии Галаевой.

Прадед Ферди – Бази (1839 г. р.), внук Хаштыра Тумгоева, эмигрировал в Османскую империю во второй половине XIX века из ингушского селения Альтиево с четырьмя сыновьями и дочерью. Нелегким был их путь на чужбину, много испытаний уготовила им судьба в Турции, где в поисках лучшей доли они поменяли не одно место жительства – Эрзурум, Сивас, Бейшехир, Мардин, Кызылтепе. Бази похоронен в г. Сивасе.

Старший сын Бази, Гойтамир, переселился в Сирию. Его потомки ныне проживают в г. Рас-эль-Айн.

Дед Ферди – Мехмет, шестой сын Бази, родился уже в Турции, в г.Мардине в 1906 году. Умер он в 1977 году, похоронен в г. Кызылтепе.

Фамилию Айдемир потомки Бази взяли по имени его второго сына – Айдемира. В Турции сегодня насчитывается более 30 семей Айдемир-Хаштыровых.

Когда будущему писателю исполнилось два года, в связи с назначением отца директором текстильной фабрики семья переехала в г. Газиантеп, где Ферди жил до окончания лицея. В данное время Ферди и его родители проживают в г. Ялова.

Семья Ферди установила близкие связи с родиной предков. Ибрагим Айдемир исполнил волю своего отца и в октябре 2019 года посетил Ингушетию. Ферди также планирует приехать на свою историческую родину.

В школьные годы у Ферди стали проявляться литературные способности, он начал писать стихи, но не спешил выносить их на суд читателя. Выбрав профессию литера-

турного редактора, Ферди работал в одном из книжных издательств Стамбула и одновременно вел собственный блог в Интернете, где публиковал свои лирические стихи, эссе и заметки. В 2017 году издательство «Аз Китап» в Стамбуле опубликовало его первый роман «Виртуальная любовь» (на турецком языке «Милая Седа Хикмета» – «Hikmet'in Hoş Sedası»), а его стихи были включены в антологию «Последняя кровь чернил» (2019, Стамбул). Роман был переведен на русский язык и в 2021 году издан нами в Ростове-на-Дону.

И вот мы держим в руках второй роман писателя «Шестнадцатый час». Когда я узнала, что Ферди написал второй роман, конечно, сразу же захотела познакомиться с ним и попросила автора прислать мне рукопись.

Я не буду утомлять читателя подробным рассказом о том, какой кропотливой была работа по подготовке романа к публикации, но хотела бы отметить, что, как всегда, нам на помощь пришла большой друг ингушского народа, доктор филологических наук, тюрколог Альфина Сибгатуллина.

Ибрагим Хаутиев, не менее замечательный человек, бессребреник, подготовил макет будущей книги и, проявив огромное терпение, не раз распечатывал его для бесконечных редакторских правок. Ведь совершенству нет предела.

Хочу выразить глубокую благодарность Ахмеду Абадиеву за помощь в переводе поэтических текстов в романе, Люсьене Денисовой из Санкт-Петербурга, профессору ИнгГУ Хадишат Точиевой, Рустаму Таркоеву, Адаму Мациеву, Тамаре Дзейтовой, которые внимательно прочитали рукопись и помогли практическими советами.

Я очень надеюсь, что мы не разочаруем читателя.

Марем Ялхароева,
кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры
Республики Ингушетия

Пока нас трогает чужое горе – мы живы!

Я рада, что стала одним из первых читателей романа «Шестнадцатый час» Ферди Айдемира, потомка ингушских мухаджиров в Турции. Все эмоциональные переживания главного героя, Серхата, я пропустила через себя, будто это я нахожусь в заточении.

После стамбульского землетрясения запертый в замкнутом пространстве под завалами, перебирая воспоминания о своей семье, он думал о том, как он мог бы исправить свои ошибки и начать новую жизнь, только бы выбраться живым... «Как только снова увидит небо, он будет бороться за каждый миг, чтобы наверстать то, что упустил...». Так же, как и Серхат, я размышляла о своей жизни, задаваясь вопросом, где, когда и какие промахи допустила и что нужно сделать, чтобы они не повторились.

На протяжении всего повествования я предполагала несколько вариантов спасения Серхата, верила и ни на минуту не сомневалась, что он благополучно выберется из этой злополучной «бетонной коробки». Шестнадцать часов продержаться в нечеловеческих условиях, с кровоточащими ранами, без кислорода и света, цепляясь за надежду на спасение. Шестнадцать часов надежды...

Автор ярко описывает душевные переживания героя. «Вся его жизнь прошла в борьбе с дьяволом и самим собой. Он хорошо знал этих своих противников. Он часто попадался в их ловушки, и бывали ситуации, когда победить их было невозможно. Это была одна из них». Невольно вспоминаются слова Виктора Гюго: «Ни один судья не допрашивает обвиняемого так пытливо, как допрашивает нас собственная совесть».

Несмотря на невыносимую боль и страдания, Серхат не может оставаться безразличным к судьбам кошек. Он про-

являет заботу о попугае Хашмете и даже пытается спасти таракана. Это демонстрирует нам, как важно не терять человечность, проявляя милосердие и сопереживание, даже в самые трудные моменты жизни.

Роман содержит всего чуть более 150 страниц, но он очень информативен. В нем рассказывается не только об ужасах, пережитых главным героем, но и о непоколебимости веры на примере Али-Хаджи, о несправедливости и человеческой жадности на примере работодателей, застройщиков домов и истории Дженка и Дженгиза. На примере Фикрет-бея мы видим силу родительской любви к своему ребенку. А то, как надежды Серхата на спасение подпитывались чувствами к Сельме, показывает, насколько важную роль в жизни человека играет любовь.

В книге много запоминающихся фраз, которые можно использовать как цитаты. Однако мне бы хотелось выделить одну, которая особенно врезалась мне в память: «В жизни слишком мало счастья и слишком много боли. Если вы застрянете в своем прошлом, то ваше маленькое счастье ускользнет от вас прежде, чем вы успеете им насладиться». Роман Ферди Айдемира заставил меня осознать, что нужно жить сегодняшним днем и дорожить каждым его мгновением. Ни в коем случае нельзя откладывать на потом то, что можно изменить сегодня, нужно проводить больше времени с близкими людьми, делать все от тебя зависящее для улучшения себя и своей жизни – ведь никогда не предугадаешь, наступит ли твое завтра.

Это событие, потрясшее весь мир, показало, насколько ценна каждая человеческая жизнь. Тысячи людей, оказавшихся под завалами, тысячи сломанных судеб, утраченных желаний и несбывшихся надежд... На примере одного Серхата показана вся горечь, выпавшая на их долю. Книга поразила меня до глубины души, оставив тяжелое «послевкусие».

Пока нас трогает чужое горе – мы живы!

Дали Итазова,
исследователь ингушской литературы

Глава I. 03:00. Первый час. Землетрясение

Этот день был утомительным для Серхата, и он с нетерпением ждал возможности вернуться домой, чтобы отдохнуть от гудящих и тревожных звуков Стамбула. Серхат трудился в издательстве, расположенном в районе Меджидийекёй, в качестве наборщика и графического дизайнера. Издательство специализировалось на выпуске школьных учебников, и поскольку они выходили с определённой периодичностью, работа Серхата была довольно интенсивной и напряжённой. Каждое утро, выходя из дома, он чувствовал себя неудачником, которого преследуют толпы людей. Большую часть времени, когда он шел по улице, ему казалось, что машины и прохожие его вот-вот задавят.

Наконец, около семи часов вечера Серхат переступил порог своего дома, расположенного в районе Сефакёй. Это тихое жилище, где он жил один, было тем самым местом, где он ощущал себя наиболее умиротворённым. Он прошел в свою спальню, которая находилась прямо напротив маленькой прихожей, надел удобные спортивные штаны и приготовился насладиться несколькими часами свободы. Серхат снимал квартиру, и иногда ему приходилось спорить с домовладельцем по поводу повышения арендной платы. Когда дела в экономике шли не очень хорошо, а цены на все продукты в стране росли, хозяин, как и все домовладельцы, старался воспользоваться этим, а Серхат возмущался тем, как устанавливаются цены на жилье.

Надо сказать, это была странная система. Поскольку государство не могло установить никаких ограничений, владельцы оценивали стоимость своих домов по той цене, по

которой продавал или сдавал в аренду недвижимость их сосед. Конечно, при этом, думая, что их собственный дом красивее и новее, чем дом соседа, они требовали большего, и таким образом цены продолжали неуклонно расти. Хозяин дома, где жил Серхат, тоже постоянно норовил повысить арендную плату, поскольку все домовладельцы устанавливали цены одним и тем же методом. Поэтому Серхату ничего не оставалось, кроме как молиться Аллаху о ниспослании хороших соседей и добросовестного хозяина.

В квартире было холодно: еще немного – и получилась бы натуральная промышленная холодильная камера, в каких хранят туши. Серхат не оставлял бойлер включенным, потому что его весь день не было дома. Он хотел сэкономить на оплате природного газа, а также боялся, что произойдет утечка, которая выведет котел из строя. Теперь он первым делом включил бойлер, чтобы обогреть свою комнату хотя бы на несколько часов. В холодильнике обычно хранились замороженные продукты, из которых сразу можно было приготовить еду. Он достал из морозилки пельмени, обжарил хлеб и за ужином стал просматривать разные каналы по телевизору. Там все еще шло несколько дневных женских программ. Серхат немедленно переключил канал, когда увидел женщину, которая кричала, чтобы ее дочь возвращалась домой. Это был мир, который, с одной стороны, ему чужд, с другой – полон жестоких и подозрительных людей. Он не любил такие программы и не мог понять, как зрители их смотрят.

Впрочем, как можно отрицать тот факт, что люди в массе своей и впрямь любят наблюдать за всякими происшествиями, в том числе и за дорожно-транспортными? Подобные передачи об убийствах и исчезновениях являются самым большим источником вдохновения для сценаристов и писателей. Ясное дело, что со стаканом кофе в одной руке и

блокнотиком в другой (как они обычно это делают) сложно придумать впечатляющие сцены интриг и убийств, даже если долго стараться.

Мошенничество, супружеские измены, изнасилования, исчезновения, смерти – это совершенно другой и темный мир. Ему было любопытно, как те, кто предлагает зрителям такие программы, делают эту работу. Он думал, что для этого нужно быть либо бесчувственным и бездушным, либо безрассудным. Люди, способные тонко чувствовать и сопереживать, вряд ли могли создавать такие передачи.

Серхат совсем не представлял себя на такой работе. Либо его пришлось бы насильно заставлять, либо он просто не был бы в состоянии сказать и пары слов из-за слез. Его удивляли популярные в таких передачах перекрестные допросы с участием адвокатов и разных экспертов, называемых психологами. Ведущий выступал в роли главного судьи, остальные являлись помощниками. Еще более странным было то, что эти люди отвечали на каверзные вопросы без возражений. Так, вероятно, проявлялась психология вины. Ведь обычный человек уклоняется от неприятных вопросов и отвечает: «Вы не имеете права меня об этом спрашивать». Эти же, наверное, полагали, что если они откажутся от участия в программах, их больше не пригласят.

Пока искал подходящее телешоу для просмотра, Серхат успел закончить трапезу. Приняв лекарство, выключил телевизор и включил компьютер, который находился в гостиной. С октября он работал в издательстве, а дома выполнял дополнительную работу, которую получал от других издательств. Все поступающие заказы были помечены значком «срочно». Так всегда случается на такой работе: несрочных заказов не бывает. Когда же работа была выполнена и нужно было платить за нее, работодатель, желавший получить результат как можно скорее, не спешил раскошеливаться.

Поработав несколько часов, Серхат остановился у окна, рядом с клеткой Хашмета, волнистого попугайчика, и немного поболтал с ним. Сменив ему корм и воду, он отправился спать, а перед отходом ко сну стал думать о завтрашних делах. Ему нужно было закончить книгу по физике: руководство уже начало поговаривать, что он затягивает сроки сдачи. Дело, конечно, было не столько в нем, сколько в обилии правок со стороны автора учебника, который иногда вместо корректуры вносил лишь дополнительные ошибки в текст и подписи к рисункам.

***

Четверг был днем уборки. Утром должна была прийти Бурчин-ханум, чтобы прибраться в квартире. Серхату надо было оставить ключ. Несколько раз он забывал сделать это, и квартира оставалась неубранной до следующего четверга. В последнее время он стал очень забывчивым. Если он не исполнял безотлагательно то, о чем думал в конкретный момент, это вскоре напрочь вылетало у него из головы. Едва вспомнив об этой своей особенности, он сразу же встал с кровати, оставил записку «Оставь ключ» на подставке для обуви рядом с входной дверью и снова лег, успокоенный.

Однажды, когда во время разговора с друзьями в компании возникла тема уборки, Нермин-ханум, работавшая консультантом, порекомендовала Бурчин-ханум. Оказалось, что эта молодая женщина совершенно не похожа на обычную уборщицу. Высокая, чрезвычайно привлекательная и ухоженная, с красивой фигурой, длинными черными волосами и большими карими глазами, она была очень разборчива и не ходила в какой попало дом. Когда Нермин впервые рассказала ей о Серхате, она сначала не хотела у него убирать, потому что в холостяцких домах обычно царил беспорядок, и это ей не нравилось. Но, придя в компанию

и встретившись с Серхатом, она согласилась, чтобы не обидеть хорошего и вежливого человека. Однако у нее имелись некоторые принципы. Например, в субботу и воскресенье она никогда не работала, посвящая выходные уборке своего жилища и квартиры своей матери.

Серхат много раз пытался уговорить Бурчин-ханум делать у него уборку в воскресенье, мотивируя тем, что он в течение недели не бывает дома. Но она не пошла на уступки, заявив, что четверг – ее единственный свободный день. Серхату пришлось согласиться на четверг. Когда она сказала, что не возьмет на себя ответственность, унося с собой ключи от какой-либо квартиры, он решил оставлять свой ключ в узком неприметном выступе, расположенном у входной двери и как будто предназначенным именно для этого. Серхат выходил из дома примерно в семь двадцать утра. Бурчин обычно приходила к девяти, брала ключ из выступа, а вечером, закончив уборку, оставляла его на месте.

Бурчин было двадцать восемь лет. Она развелась с мужем двумя годами ранее и не имела детей. Ее мать, Сюзан-ханум, жила в районе Бахчелиэвлер и страдала от болезни, широко известной как обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР). Сюзан-ханум была дотошной, если не сказать придирчивой – до болезненности – женщиной. Когда она сама была еще ребенком, ей постоянно приходилось помогать по дому. Иногда Сюзан-ханум заставляла свою дочь делать что-то по второму разу, чтобы таким образом научить ее, или же просто из-за того, что ей не нравился результат работы. Порой Бурчин мыла одну тарелку в течение нескольких минут только потому, что это нравилось ее матери.

Со временем это вынужденное чрезмерное усердие, развившееся у Бурчин под руководством Сюзан-ханум, также достигло степени одержимости и болезни. Теперь она дважды протирала все предметы, подметала полы утром и вече-

ром. Через некоторое время это состояние стало уже беспокоить ее мать, и девушке пришлось обратиться к психологу. Бурчин лечилась в течение двух лет, но, хотя и был достигнут некоторый прогресс, излечиться полностью не удалось.

Врач сказал, что одной из причин, по которой лечение не помогло, было постоянное пребывание Бурчин дома, и посоветовал ей устроиться на работу. Он думал, что это поможет ей избавиться от мыслей о чистоте. Ведь именно по этой причине она не ладила даже со своими друзьями. Если она видела на своем столе беспорядок и крошки от ластика, она сразу же собирала их и вытирала стол. На столе, за которым она сидела, не было ни единой царапины. Всем, кто находился рядом с ней, надлежало быть такими же дисциплинированными. Школьные годы были не менее проблемными: Бурчин не могла сосредоточиться на учебе и едва окончила среднюю школу. Вот поэтому и с поиском работы у нее не ладилось. К счастью, ее красота спасла эту ситуацию.

Соседка по лестничной площадке, узнав о проблеме Бурчин, сказала ей, что им в офис нужна секретарша, и она может поговорить с начальником. Так Бурчин вышла на работу. Сначала всё было хорошо. Девушка отвечала на телефонные звонки, оформляла документы и встречала гостей. Уборкой и приготовлением чая в офисе занималась Кадрия-ханум. Бурчин начала возвращать чашки с чаем, принесенные Кадрией-ханум, объясняя это тем, что посуда недостаточно чистая. Сама она пила чай и кофе из собственной посуды, мыть которую никому не доверяла. Ее также не устраивала чистота в приемной, в которой она находилась, и она снова и снова протирала всё тряпкой.

Кадрия-ханум несколько раз жаловалась боссу Мехметубею, что эта ситуация ее оскорбляет и беспокоит, но ничего не менялось. Однажды, когда Кадрия, убирая на столе Бурчин, положила несколько вещей не в том порядке, в кото-

ром они прежде лежали, наступил настоящий апокалипсис, и у них произошла большая ссора. Бурчин, не удержавшись во время выяснения отношений на повышенных тонах, подскочила к Кадрие-ханум и вцепилась ей в волосы. Коллеги едва смогли разнять их. После этого Мехмет-бей был вынужден уволить Бурчин.

Сюзан-ханум была очень расстроена и по совету друга семьи познакомила дочь с Салих-беем, рабочим на текстильной фабрике. Она надеялась, что дочь поправится, если выйдет замуж. За несколько месяцев она организовала их свадьбу. Болезнь Бурчин скрыли, о ее состоянии говорили лишь, что она «очень аккуратная и педантичная девочка».

Салих-бей смог осознать серьезность ситуации только через несколько дней после женитьбы. Он любил Бурчин и поэтому пытался справиться с этой проблемой, но ссоры были неизбежны. Хотя Салих-бей работал в упаковочном отделе фабрики и не имел дела с пылью и грязью, Бурчин постоянно проверяла степень его чистоты. Как только Салих-бей входил в квартиру, он должен был сразу переодеться в прихожей. Более того, Бурчин была настолько чувствительна к порядку, что хотела видеть все предметы после их использования на своих местах. Даже перемена места стакана беспокоила ее и вызывала конфликты. Это становилось пыткой, особенно ночью. Салих-бей, который умудрялся терпеть такое положение в течение двух лет, однажды не выдержал и решил развестись. Бурчин пришлось вернуться к своей матери.

Что бы ни делала Бурчин, эта болезнь не покидала ее. Однажды молодая женщина подумала: «Если эта болезнь взяла меня в плен, почему бы мне не зарабатывать себе на жизнь уборкой?» В таком случае она не была бы обузой для матери и получала бы деньги за свою страсть к порядку. Сюзан-ханум изначально не одобряла эту идею, но мысль

о том, что она в значительной степени причастна к болезни своего ребенка, мучила ее, и она решила не мешать дочери.

Из-за своего перфекционизма Бурчин заходила в один дом не чаще одного раза в день, а если ей приходилось возвращаться, она все протирала в нем заново. Были дома, где ей особенно нравилось делать уборку. Квартира Серхата была одним из таких предпочтений, хотя в последние месяцы мужчина начал присылать деньги с опозданием. Он содержал квартиру в чистоте, чем отличался от других холостяков, о которых она слышала или знала.

***

Мысли Серхата, лежавшего в постели, были такими же расслабляющими, как подсчет овец. Так, перебирая свои мысли, он засыпал. Вот и в этот раз ему, наконец, удалось уснуть, но уже через несколько часов, в 02:58, он проснулся от неожиданного толчка. Всё в комнате ходило ходуном, в том числе и его кровать. Еще не успев полностью проснуться, он в ужасе вскочил и тут же рухнул на пол и подполз к кровати, чтобы образовать треугольник жизни[1], о котором часто слышал по телевизору.

Спальня его была маленькой, и мебели в ней было немного, но разрушение не обошло ее стороной. Он увидел, как с тумбочки на пол упал телевизор, затем дверцы шкафа открылись, и одежда рассыпалась по полу. Прежде уже случались небольшие землетрясения. Не так давно, в выходные, он был дома, когда произошло землетрясение магнитудой 6,4. Он и тогда был напуган, но сейчас было гораздо страшнее, весь дом сотрясался. Пятнадцать секунд спустя стены треснули и начали рушиться. Серхат много раз видел подобные вещи в кино, но сейчас это была реальность. Дом, все

1. Считается, что спинка мягкой мебели обеспечит лучшее укрытие при обрушении перекрытий верхних этажей, образовав между полом и упавшей секцией пустоту – которую и принято называть «треугольником жизни».

части которого с обрушением стен и балок пришли в движение, стал ловушкой для него. Последнее, что он запомнил, это то, что пол, на котором он стоял, провалился. В ту ночь произошло землетрясение магнитудой 7,5.

Ученые годами говорили о землетрясении, которое могло произойти в Стамбуле. Когда Серхат видел, как они обсуждают это по телевизору, он, как и большинство сограждан, переключал канал. Если натыкался на разговоры об этом в Интернете, закрывал страницу, не прочитав ее. А что еще он мог сделать! У него не было возможности как-то предотвратить то, что должно было произойти. Даже если бы он сменил место жительства, не было абсолютно никакой гарантии, что новое жилище защитит его. Рассуждая о грядущем землетрясении, все люди испытывали такое же отчаяние, как если бы к планете стремительно приближался огромный метеорит. Ответственность за последствия землетрясения лежала на тех, кто правил страной и строил эти дома. Серхату же ничего не оставалось делать, кроме как грустить и бояться.

Землетрясение, эпицентр которого находился в Стамбуле, также произошло в Бурсе, Ялове и Коджаэли. Тысячи домов в Стамбуле лежали в руинах. В других провинциях разрушений было меньше, но общая ситуация во всех этих городах была примерно одинаковой. Как обычно, все телеканалы и сайты начали трансляцию с кричащих заголовков: «Большое землетрясение в Мармаре».

Хотя некоторые поисково-спасательные отряды сразу же выдвинулись на помощь, им почти некуда было идти: трассы тоже сильно пострадали и оказались разделены на несвязанные между собой участки. Люди в панике сворачивали на уцелевшие дороги. Транспортную систему накрыл настоящий коллапс. Другое название землетрясения – «Хаос». В то время как некоторые пытались покинуть этот район, мно-

гие метались, пытаясь хоть чем-то помочь своим семьям и соседям. Заверения властей в том, что помощь уже в пути, раздавались одно за другим.

03:00. Первый час.

Когда Серхат пришел в себя и открыл глаза, его встретила тьма. Он на мгновение растерялся и попытался вспомнить, что произошло. Для этого ему не потребовалось много времени, так как нелегко было забыть страх, который он испытал. Взглянув на наручные часы с фонариком, обнаружил, что покосившаяся лампочка еще горела, но стекло было разбито, а часы показывали 03.00. «Наверное, в это время и случилось землетрясение, и они остановились, когда я упал», – подумал он. Серхат лежал на полу лицом вниз, а когда попытался сесть, ударился головой о бетонный блок. Пошевелив левой ногой, почувствовал сильную боль. Напрягая силы, он протянул руку к ноге – и наткнулся на кровоточащие участки на ней. Похоже, нога была сломана, и раны были глубокими. Стараясь не впадать в панику, он принялся ощупывать пространство вокруг себя. Подняв руку, наткнулся на бетон; чуть левее нащупал доски, которые, вероятно, были обломками его шкафа, и груды щебня рядом с ними. Взглянув направо, он уперся взглядом в бетонный блок с несколькими арматурными стержнями, торчавшими из него.

Серхат понял, что находится в прямоугольной гробнице. Где же его кровать? Возможно, он перекатился, когда падал, и кровать осталась где-то позади. «Ты даже треугольник рассчитал неправильно», – сказал он сам себе со злобой. К счастью, шкаф сослужил ему ту же службу.

Хашмет, который находился в соседней комнате, как обезумевший кричал от страха. Через некоторое время он услышал стон. Али-Хаджа, живший на верхнем этаже, слабым голосом спросил:

– Серхат, ты в порядке?

– Не знаю, учитель. Думаю, что у меня сломана нога, у меня кровотечение… а как Вы, Али-Хаджа?

– Я ударился головой, она в крови, и еще я не могу пошевелить рукой.

– Тетя Севги, дети с Вами, с ними все в порядке? – спросил Серхат.

Али-Хаджа заплакал:

– Севги была со мной. Когда всё случилось, она упала недалеко от меня… на ней стоит столб, вижу только ее руку… я звал ее, но она не издает ни звука. Видеть эту руку и не иметь возможности протянуть к ней свою – для меня это гораздо больнее, чем мои собственные травмы. Дети были в дальней комнате, и я не слышу их голосов. Серхат, мы расплачиваемся за грехи и за грешников. Аллах, сжалься над нами!

– Может быть, они без сознания. Нас всех спасут.

Серхат на мгновение забыл о собственных страданиях и попытался утешить его. Он ничего не сказал, чтобы не расстраивать Али-Хаджу, а про себя подумал: «Ладно, я грешник, и ты тоже, мой учитель? Что мы могли сделать? Допустим, я молюсь только по пятницам, но ведь вся твоя жизнь – это молитва. И уж если такое случилось с тобой, то что же тогда ждет меня после смерти?»

Ощупав пространство вокруг себя в поисках куска ткани, которой можно было бы обернуть вокруг ноги, чтобы остановить кровотечение, он нашел простыню. С трудом оторвал кусок, но как же его завязать? Ведь невозможно было встать или выпрямиться. Он попытался подтянуть ноги к животу, но испытал такую сильную боль, что смог лишь немного сдвинуть ноги, но все же ему не удалось дотянуться настолько, чтобы завязать ткань узлом. В отчаянии, стремясь сделать хоть что-нибудь, он просто накинул ткань на

ноги. По-хорошему, нужно было связаться с отделением неотложной помощи 112. Этот номер вспомнился ему сразу, но, увы, он забыл свой телефон в гостиной за компьютером.

К сожалению, ему даже в голову не пришло забежать в комнату и схватить телефон, когда он спросонья вскочил с кровати. Обычно он устанавливал будильник на своих цифровых часах на запястье и просыпался с его помощью по утрам, чтобы идти на работу. Его телефон всегда был рядом с ним, но в тот день он забыл о нем – и от этого чувствовал еще большее отчаяние. Вот так всегда бывает в жизни: одна ошибка, и вы мгновенно попадаете в серьезные неприятности.

***

Время от времени Серхат слышал, как Али-Хаджа зовет свою жену и детей и молится Аллаху. Он был опустошен тем, что не мог даже выпрямить спину, не говоря уже о том, чтобы помочь Али-Хадже. «Как хорошо, что Сельмы здесь нет. Какая разница, выберусь ли я отсюда живым, если с Сельмой что-то случится?», – сказал он себе. Вспоминая Сельму, он испытывал одновременно огонь и радость.

Было страшно даже подумать, что сейчас чувствовал Али-Хаджа. Эта ситуация напомнила Серхату телевизионный сюжет пятилетней давности о мужчине, который потерял своих детей и жену во время землетрясения в Элязыге. Мужчина был жив, когда спасатели добрались до него, но он не хотел выбираться из-под завалов.

– Я молился, чтобы вы не нашли меня. Я слышал, как вы кричали, но не издавал ни звука. Мои дети мертвы, моя жена мертва, и у меня нет причин вылезать отсюда, – заявил он.

Около получаса спасатели пытались уговорить его, а когда им это не удалось, они силой вытащили его и посадили в машину скорой помощи.

Али-Хаджа был имамом в мечети, расположенной на глу-

хой улице. Когда Серхат приходил на пятничную молитву, он старался занять такое место, чтобы Али-Хаджа не мог его заметить. Каждый раз, когда видел Серхата, он начинал рассказывать в своей проповеди о мучениях тех, кто не молился, как бы указывая на него. И как только встречал Серхата у дверей мечети, призывал его приходить пять раз в день.

В последние годы Серхат и сам уже подумывал начать молиться, но постоянно откладывал «на завтра», а «сегодня» хотел расслабиться. Он вспомнил, как в первый раз, когда ему было семь лет, пошел в мечеть с отцом. Его отец молился пять раз в день и время от времени, направляясь в мечеть, брал Серхата с собой. Пока отец молился, сын чаще делал вид, что молится, а вместо священных слов напевал про себя песенки. А едва выйдя из мечети, тут же присоединялся к своим друзьям, игравшим на улице. Вспоминая все это сейчас, Серхат сказал себе: «Тот факт, что меня не привлекает намаз, был очевиден уже тогда». При мысли о своем отце, Фикрет-бее, его глаза наполнились слезами. Знает ли он о землетрясении, пытается ли связаться с ним? Ответов на эти вопросы не было. Он не был в хороших отношениях со своим отцом с тех пор, как умерла его мать, и не разговаривал с ним уже несколько месяцев. Такое случалось не раз. Как только они общались в течение нескольких дней, они обижались друг на друга и переставали разговаривать. Серхат винил в подобных ситуациях мачеху. Он думал, что большинство ссор возникало из-за ее провокаций. В частности, причиной их последней ссоры было желание Фикрет-бея, чтобы Серхат переехал из Стамбула в Невшехир. Сам Фикрет работал в муниципалитете Невшехира и при каждом удобном случае обращался к мэру с просьбой устроить своего сына на работу. Но Серхат не соглашался, так как не был готов покинуть Стамбул еще лет десять или даже

пятнадцать; не исключено, что он мог бы задуматься о переезде уже после выхода на пенсию, но прямо сейчас селиться в Невшехире ему не хотелось. Он совсем не торопился оказаться рядом с мачехой, которая невзлюбила его с того самого дня, как вышла замуж за его отца. Как жаль, что его мать, Севим-ханум, стала жертвой землетрясения, отправившись в Измир, чтобы навестить свою больную сестру! Ее сестре удалось спастись, но сама Севим и два ее племянника погибли. Серхату было тогда десять лет. Он остался дома с отцом, потому что ходил в школу, и мать уехала в Измир одна.

Главной причиной, по которой отец хотел, чтобы его сын поселился в Невшехире, был страх перед землетрясением. Раньше они жили в Стамбуле, в Авджыларе. В то время Фикрет-бей владел небольшим продуктовым магазином. Семья, потрясенная смертью Севим, решила поселиться в Невшехире, где риск землетрясения был меньше. Там жили двоюродные братья Фикрет-бея, которые также настаивали на том, чтобы они покинули Стамбул. Благодаря им он смог найти работу в муниципалитете. Однако Серхат так и не смог привыкнуть к этим переменам, он хотел вернуться в свою школу, к своим друзьям. Серхат часто не ладил с отцом, особенно в период переходного возраста. Кроме того, заболела его бабушка, и вскоре отец женился на Несрин-ханум. Фикрет-бея с ней познакомили родственники, которые видели, как ему тяжело одному. Серхат очень любил свою мать и тосковал по ней, а потому бунтовал и постоянно ссорился со своими близкими.

Когда Фикрет-бей узнал, что его жена находится под завалами, он оставил Серхата с бабушкой и вылетел самолетом в Измир. Серхат мог только беспомощно наблюдать за происходящим по телевизору. Прошло два дня, два тревожных дня ожидания. Наконец, утром третьего дня, отец вернулся домой с известием о смерти матери. В тот день Серхат не

выходил из своей комнаты до вечера и в течение следующих нескольких дней не мог ни есть, ни пить. Ему потребовались месяцы, чтобы хотя бы немного прийти в себя. После окончания средней школы он вернулся в Стамбул и поступил на факультет графического дизайна. В связи с этим у него возник конфликт с отцом. Только сейчас, запертый в темной могиле, он понял, насколько прав был его отец. Страх отца стал реальностью. Оглядываясь на свою прежнюю жизнь, он со всей ясностью увидел, как часто спорил с отцом по пустякам. Теперь у него был другой страх – умереть здесь прежде, чем он сможет помириться с ним.

Во время прошлых землетрясений, которые он застал в этом городе, Серхат всегда вспоминал мать. Интересно, она умерла сразу, как только здание рухнуло, или позже, ожидая помощи под обломками, как теперь он сам? Успела ли она подумать о муже, о сыне? Если он не выйдет отсюда живым, никто не узнает, через что ему пришлось пройти.

Иногда Серхат слышал жужжание, но не мог понять, что это: то ли шумят спасатели, то ли это потрескивают и звенят холодные обломки стен. Время от времени Али-Хаджа взывал: «Помогите! Кто-нибудь слышит наши голоса?» Услышав его крики, Серхат принимался вторить Али-Хадже. После нескольких попыток позвать на помощь, он осознал, что ему нужно беречь силы. У него возникли трудности с дыханием, а это свидетельствовало о том, что его положение было крайне затруднительным: воздух не поступал в достаточном количестве под завалы.

Серхат почувствовал себя так, словно его живым положили в гроб. Он не мог пошевелиться, ему было трудно дышать. Пыль и дым забивали его легкие с каждым вдохом. Он почувствовал, что лежа на холодном бетоне, начинает медленно остывать. На нем были только спортивные штаны, потому что землетрясение застигло его в постели. В прин-

ципе, холод не мог свободно проникнуть под завалы, но, как бы то ни было, Серхат был худым, а потеря крови из-за ран усилила ощущение холода. «Когда вечером ложился спать, я думал о том, что буду делать утром. Теперь я в могиле», – сказал он себе. Интересно, как там его коллеги по работе? Он принялся думать о них. Все они жили в других районах. Он не знал, удалось ли кому-нибудь из них спастись. «Моя жизнь пронеслась перед глазами, как кинолента», – вспомнил он слова. Он всегда считал, что это преувеличение, но никогда не думал, что сам окажется в такой же ситуации. Он принялся оживлять в памяти всю свою жизнь, день за днем, начиная с детских лет. Перед его мысленным взором стали разворачиваться воспоминания о матери. Серхат был единственным ребенком в семье; после него мать снова забеременела, но на третьем месяце беременности у нее случился выкидыш. У него еще были сестра и брат от мачехи, но они жили в Невшехире и мало с ним виделись.

Мать всегда защищала его, потому что он был ее единственным ребенком. Серхат знал, что если бы он был с ней во время землетрясения в Измире, она бы защитила его от обломков. С ней он всегда чувствовал себя в безопасности. В памяти запечатлелся один инцидент: в школе на него напали несколько учеников, и учитель спас его. После этого случая несколько дней он ходил в школу с матерью, и друзья издевались над ним за это. Отец не очень интересовался его школьными делами, а мать постоянно следила за тем, чтобы он выполнял домашние задания, и помогала ему в трудных ситуациях, насколько это было в ее силах.

Они отпраздновали день рождения Серхата за несколько дней до трагического отъезда матери в Измир. Две фотографии в рамках, сделанные на этом празднике, всегда стояли на его компьютерном столе. На одной из них, обнимая свою мать, он задувал свечи на нарядном торте, украшавшем

стол, уставленный красивыми тарелками и напитками; на другой он был изображен за одним столом с матерью, отцом и бабушкой.

Школьная жизнь Серхата, со всеми ее взлетами и падениями, после смерти матери продолжилась, но он повсюду ощущал ее отсутствие. Ему было грустно, когда он видел своих друзей с мамами, особенно на родительских собраниях. Прежде он всегда был против того, чтобы мать приходила на родительские собрания: ему не хотелось, чтобы она узнала о нем что-нибудь отрицательное. Теперь же он скучал по тем дням. Он окончательно возненавидел эти собрания, потому что матери больше не было с ним. Иногда на них приходил отец, но отсутствие матери он не восполнял. Серхату было грустно, потому что он не мог поговорить с матерью, когда нуждался в этом больше всего, и не мог выплакаться у нее на груди. В студенческие годы он завидовал друзьям, которым матери присылали одежду и еду. Он очень сердился на тех, кто кричал на своих матерей по телефону, тем самым разбивая им сердца, и часто ссорился с ними по этой причине.

***

Некоторое время он слушал, как Али-Хаджа читает суру Ясин. Во время чтения его голос иногда дрожал. Когда Серхат ходил на пятничные молитвы, он слышал в проповедях, что Аллах в наказание загнал некоторые племена под землю, и их дома обрушились прямо им на головы. Ученые сказали бы, что это не возмездие, а стихийное бедствие, которое является нормой в природе. Если же все-таки это было возмездие, то произошла какая-то ошибка. Учитывая, что под завалами оказались Али-Хаджа и сотни ему подобных, эта система наказаний не делала различий между добром и злом – ведь, вполне возможно, многие грешники не пострадали, и их дома не были уничтожены. Если по-

размыслить, такое совсем не соответствовало высшей справедливости. В доме Серхата было семь этажей, на каждом этаже по квартире. Сам он жил на втором этаже. Вспомнив о людях, живших на других этажах, он окликнул одного за другим своих соседей по дому: «Мустафа-бей, Гюльтен-ханум, тетя Филиз. Кто-нибудь слышит меня?» Но никто не откликнулся.

Особенно он беспокоился о семье Шахин, у которой было трое детей. Они жили этажом ниже, и их голосов он тоже не слышал. Мурат Шахин работал посменно на текстильной фабрике, но Серхат не знал, в ночную смену или дневную. Хотя они жили на первом этаже, Серхат видел их нечасто. Иногда у них возникали ссоры с соседями, которые жаловались, что их дети слишком шумят. Жена Мурата не работала, и в момент подземных толчков она, должно быть, была дома с детьми.

– Мурат-бей, Ясемин-ханум, вы меня слышите? – прокричал он несколько раз, но не получил ответа.

Им либо удалось выбраться до того, как здание обрушилось, либо они погибли. Подумав об этом, он вздохнул и сказал: «Как бы я хотел сейчас услышать детские голоса, чтобы они снова зазвучали повсюду». Теперь он сожалел о том, что когда-то сердился на них. Вообще, Серхат не любил детей, особенно мальчиков. Он постоянно наблюдал в них врожденную агрессивность и желание доказать свою силу. Мальчишки часто преследовали уличных кошек, которых кормили жители, пытались ударить их или еще как-нибудь обидеть. Девочки же, наоборот, старались приласкать животных. Серхат даже не мог вспомнить, сколько раз кричал в окно на мальчиков, которые гонялись за кошками. Однажды он увидел, как какой-то малыш, переходя улицу со своей мамой, пытался пнуть проходившую перед ним кошку. Мать, будучи добрым человеком, запретила ему это

делать. Однако не все проявляли такое сострадание. Серхат неоднократно наблюдал, как родители не останавливали своих детей, когда те мучили животных у них на глазах. На самом деле, в детстве он сам ничем не отличался от других: калечил бабочек, отламывая им крылья, и бросал большие камни в черепах. Принято считать, что детьми неосознанно движут дурные побуждения, но ведь ответственность за все это несут родители. Если детей не воспитывать должным образом, они не смогут избавиться от диких проявлений и будут продолжать причинять боль другим на каждом этапе жизни.

Затем он подвел черту под своими грустными размышлениями: «Оказывается, мы на самом деле не знали, в какую серьезную проблему могут вылиться мелочи». Буквально вчера он стал свидетелем того, как соседи, живущие в доме напротив, спорили из-за парковки. Другие соседи с трудом их успокоили. «Кто знает, может быть, они оба сейчас лежат здесь, под обломками», – печально подумал он.

Как обстоит дело в Стамбуле, сколько домов разрушено, есть ли разрушения в окрестных городах? Его голова была полна вопросов. Он был очень зол из-за своей беспомощности и проклинал тех, кто строил здания, потому что знал, что самая большая проблема в стране носит системный характер. На бумаге всё было хорошо, но, когда дело доходило до воплощения в реальность, начиналась расхлябанность. Такой в его глазах была, в частности, пенитенциарная система. Зафиксированное на бумаге наказание, благодаря различным сокращениям и смягчениям, фактически ни к кому не применялось. Серхат искренне не мог понять, почему правительство ведет себя как торгаш: ведь государство ничего не продавало для того, чтобы давать такую скидку. Даже само соседство слов «наказание» и «сокращение» было для него чем-то невероятным. Он был уверен, что предусмо-

тренные законами сроки заключения от пятнадцати до двадцати лет были прописаны там как простая формальность для успокоения совести общества. Уже несколько раз он видел в новостях репортажи о преступлениях, совершенных людьми с тридцатью или даже сорока судимостями. Подобные случаи всегда занимали его. Однажды он узнал возраст преступника (тому было за тридцать) – и понял, что обычный математический подсчет здесь не годится. В конце концов, если бы человек с тридцатилетним стажем был заключен за решетку хотя бы всего на один год за каждое преступление, то он провел бы в тюрьме тридцать лет, но тогда, учитывая возраст преступника, получалось, что тот нарушил закон уже в шесть лет. Поскольку этот человек не мог совершать преступления с шестилетнего возраста, такой метод подсчета был неправильным. Это означало, что многие преступники либо никогда не отбывали тюремного заключения, либо были освобождены всего через несколько месяцев. Такое Серхат никак не мог принять. Он несколько раз высказывал эту мысль в своих аккаунтах в социальных сетях, но, как и в других вопросах, никто об этом не задумывался и не поддерживал его.

Серхат всегда протестовал против чего-либо – и не только против сильных мира сего, но и против явлений обычной жизни. Он возражал учителю в школе, начальнику на работе. Эта черта характера была одной из главных причин его частых конфликтов с отцом. Он знал, что такое поведение бесполезно и что не в силах что-либо изменить, но не мог заставить себя молчать.

В дискуссионной программе, которую однажды он смотрел по телевизору, ведущий сказал:

– Существует опасность разрушения шестидесяти тысяч зданий в результате землетрясения, которое может произойти в Стамбуле. В прошлом любой, кто мог позволить себе

построить одно или два здания, имел право стать подрядчиком. Поэтому количество подрядчиков в нашей стране в десять раз больше, чем в странах всего европейского континента. Аудиты проводятся слабо, и некоторые нормативные документы, принятые в 2019 году, требуют наличия сертификата соответствия, но неизвестно, насколько этого будет достаточно.

Другой оратор заявил:

– Если в погоне за голосами избирателей вы будете управлять государством с помощью скидок и амнистий и обещать земельную амнистию, налоговую амнистию и другие отмены штрафов, то наступит время, когда никто не будет воспринимать государство всерьез. Два года назад была объявлена земельная амнистия. Потом штрафы были прощены тем, кто не надел маску для защиты от короновируса. При этом тем, кто уже оплатил штраф, деньги никто не вернул. Если эпидемия повторится, люди перестанут носить маски и уважать государство.

Теперь Серхат понял, насколько эксперты были правы.

Глава II. 04:00. Второй час. Сельма

Внезапно Серхат вспомнил о лампочке в своих наручных часах. Когда он впервые заметил этот свет, ему и в голову не пришло использовать его для освещения пространства вокруг себя. Теперь он снова включил лампочку в часах и попытался посмотреть, в каком состоянии его ноги.

Он не мог свободно двигаться, и всё, что ему удалось увидеть, – это слабый свет, который едва ли мог быть ему полезен: этот свет падал, как искра, на лужу крови, вытекшей из ноги. Используя часы как фонарик, он огляделся. Увиденное окружающее пространство ничем не отличалось от того, которое он нащупал руками. Это было похоже на полностью запечатанную коробку. Он попытался сдвинуть с места шкаф, расположенный слева от него, но не смог: должно быть, тот был заблокирован чем-то в задней части. Над своей головой Серхат заметил острый кусок дерева, торчавший из шкафа. Вооружившись им, он попытался разгрести куски бетона справа от себя. Эти куски оказались настолько рыхлыми, что разгрести их было так же легко, как построить замок из песка в море. Сначала он сделал достаточно широкое отверстие, чтобы в него можно было просунуть голову, затем попытался углубить его. Здесь уже начались трудности. Доска была недостаточно длинной, и орудовать ею было непросто. Он смог углубиться на целый метр, превозмогая боль, но тут хрупкие куски бетона закончились, и он наткнулся на железобетонную балку. Его снова охватило отчаяние, потому что вокруг не было ничего, что могло бы помочь справиться с этой балкой.

Он бросил бесполезный кусок дерева на землю. «Хотел бы я умереть в тех завалах в Измире вместе с моей матерью. По крайней мере, умер бы на руках у родного человека, а здесь я умру один», – сквозь рыдания произнес он, ударяя кулаком по платяному шкафу.

Услышав шум и плач, Али-Хаджа попытался успокоить его: «Не теряй надежды, Серхат, я надеюсь, мы выйдем с позволения Аллаха. Не трать слишком много сил, они нужны нам, чтобы наши голоса были громкими, когда придут нам на помощь». Серхат знал, что Али-Хаджа прав, но он также знал, что трудности преследовали его на протяжении всей жизни. После каждого инцидента (который, по его убеждению, вполне мог оказаться еще досаднее) он сталкивался с чем-нибудь гораздо более неприятным. Почему здесь должно было быть исключение?

Сотни мыслей понеслись друг за другом в его голове. Так было всегда. Поэтому он даже старался не вставать по ночам, чтобы сходить в туалет, и намеренно не пил воду за несколько часов до сна, чтобы не пришлось просыпаться. Обычно он терпел до последнего, лишь бы не вставать, потому что его сон легко нарушался. Стоило ему лечь в постель, как в голове начиналась активность, и он сразу же терял сон. Он всегда с трудом засыпал и даже завидовал людям, которые могли заснуть, едва коснувшись головой подушки. У него же всё было наоборот: мысли, которые не приходили ему в голову весь день, начинали атаку, как только он принимал горизонтальное положение. По какой-то причине он был особенно одержим прошлым. Он обнаружил, что борется на подушке со всеми своими обидами и гневом – тем, что он не мог сделать, изменить или высказать.

У него была еще одна странная привычка. Он преувеличивал то, что называется эмпатией, и часто ставил себя на место других. Например, размышлял о том, что говорил бы

на месте диктора, которого увидел по телевизору; как отвечал бы на вопросы, если бы был на месте певца, у которого брали интервью; или что сказал бы на тему, обсуждаемую в шоу-программе. Он часто ловил себя на том, что дает интервью и делает заявления. Серхат понимал, что такое поведение ненормально, но объяснял это тем, что ему нужно было поделиться с кем-то своими мыслями, многое рассказать, а услышать и понять его было некому.

Иногда, после многочасовой борьбы с собственными мыслями, он утомлялся и засыпал. Иногда уставал от этой борьбы и вставал с постели, и тогда его мысли снова исчезали. В расчете на быстрое возвращение сна он старался отвлечься, смотря телевизор или задерживаясь перед компьютером. Теперь он не мог даже выпрямить спину и остался наедине с кучей мыслей, копившихся у него в голове.

***

В первые часы после землетрясения на улице царили неразбериха и паника. Отключение электроэнергии в регионе сделало мрачную обстановку еще более тяжелой. Уже были предприняты усилия, чтобы помочь выжившим после землетрясения, чьи дома уцелели, а также тем, до кого можно было легко добраться с помощью генераторов, фонариков и свечей.

Спасатели, проживающие в Стамбуле и других провинциях, где произошло землетрясение, сами стали его жертвами. Выжившие смогли принять участие в работах, объединившись в бригады, численность которых пока не превышала сотни. На улице Гюверчин было разрушено двенадцать домов, в том числе и тот, в котором жил Серхат. Там творилась такая же суета, как и везде, но она еще не могла выйти за рамки спасательных усилий жителей самой улицы. В этот район еще не прибыла ни одна поисковая команда.

Жители, избежавшие участи тех, кто был заживо погребен под бетонными обломками, приступили к предварительному разбору завалов. В первую очередь они, конечно, спешили убрать тела погибших. Среди них были и дети, плохое поведение которых так удручало прежде Серхата. Однажды, разговаривая с соседом, дядей Бекиром, о проблеме приюта для кошек, он сказал, что на улице нет места для них, потом посетовал на опасную близость домов друг к другу и прибавил: «Если один из них рухнет здесь, они все попадают друг на друга». Всё произошло именно так.

Из-за стремления жадных подрядчиков использовать каждый квадратный метр при строительстве, здания на улице Гюверчин всегда находились в плачевном состоянии. К тому же стены восьми разрушенных зданий прилегали друг к другу. Например, одна стена спальни Серхата соприкасалась со стеной в ванной соседнего дома, так что он легко мог расслышать звук открываемого там крана. Когда один из домов вдруг рухнул, за ним посыпались остальные здания, они стали падать друг за другом, как костяшки домино. Дом Серхата находился прямо посреди пострадавших восьми зданий, все они превратились в одну сплошную груду камней. Остальные четыре здания на противоположной стороне так же пришли в негодность. После какого подземного толчка они рухнут окончательно, это был только вопрос времени. Серхат позвал Али-Хаджу и сказал:

– Учитель, простите меня. Что будет, если мы не сможем выбраться отсюда? Ваша совесть будет чиста, но что же делать мне, ведь я был не очень благочестивым человеком?

– Пожалуйста, Серхат, не думай так, моя работа не столь проста. Разве поклонение – это единственное, чего хочет от нас Аллах? Нет единого правила, согласно которому каждый верующий попадет в рай. Даже я не могу быть уверен в этом. Всё, что мы можем сделать сейчас, это молиться и каяться в наших грехах.

Молиться было нетрудно, но прежде необходимо было подумать о том, что именно ему нужно для покаяния. Он вспомнил, как в далеком детстве украл несколько игрушек у соседского маленького мальчика, когда они играли вместе, но сказал сам себе: «То, что ты делал в детстве, вероятно, не является грехом».

***

Серхат познакомился с Сельмой в издательстве, где раньше работал. Она была учительницей литературы, но еще не получила назначения в государственную школу. Сельма была красивой девушкой с черными, как смоль, короткими прямыми волосами, янтарными глазами и стройной фигурой. Она была племянницей учителя Османа, возглавлявшего группу, которая готовила задания для издательства, и он включил ее в свою команду, чтобы она помогала ему. Поскольку Серхат находился в постоянном контакте с учителями, ему иногда приходилось часами работать с Сельмой за компьютером, и они часто подолгу разговаривали.

В то время Серхат встречался с Айлин, которая работала менеджером по продажам в магазине одежды. Познакомил их лучший друг и коллега Серхата Гёкхан. Однажды, когда Серхат упомянул, что ему нужно купить брюки, Гёкхан рассказал ему об Айлин и добавил, что если он пойдет к ней, то сможет купить брюки по доступной цене. Так Серхат познакомился с Айлин. Собственно, их отношения начались благодаря ее усилиям: на девушку произвели большое впечатление доброта и обаяние Серхата. Выписывая чек на кассе, Айлин попросила у него номер телефона. Она несколько раз написала ему, сообщая об акциях и скидках, и их общение продолжилось. Потом они добавили друг друга в друзья в социальных сетях, а затем начали встречаться. Айлин была веселой и даже бесшабашной девушкой.